

ВОЛОСТНЫЕ ГОЛОВЫ

До 1861 года, т. е. до освобождения крестьян от крепостной зависимости, крепостными заведовали волостные правления под председательством волостных голов. При волостном правлении была волостная расправа. Председательствовал в ней волостной голова. Функции расправы — судебный разбор всех споров и обид между крестьянами. К началу моей службы в волости из крестьянства еще много было живых свидетелей деятельности голов и расправ. И вот от них мне пришлось слышать следующее.

Мильков

Мильков был бесменно головой в Метлинской волости несколько трехлетий, и чем дальше он оставался на службе, тем делался смелее во взяточничестве и в других беззакониях. Но, наконец, и его настигло несчастье.

При Николае I было несколько рекрутских наборов. Наборы эти были не ежегодно, а через неопределенные периоды (года через 4—5). Военная служба при Николае I была чистая каторга и длилась 20 и 25 лет. При объявлении набора в деревне был плач и стон. Рекрутов проводжали, как в могилу. Богатые покупали зачетные рекрутские квитанции, выпускаемые правительством, и освобождались от военщины. Если же квитанции купить не представлялось возможности из-за дороговизны, то оставалось одно — идти к голове и торговаться с ним. Дело это делалось так.

Правительство Николая I определенно назначало представить, например, с Метлинской волости 20 солдат (рекрутов). Голова, получив такое распоряжение, хранил его в секрете, в то же время делал через сельских старшин выписку всех рекрутов, не призывавшихся еще к рекрутскому набору. Их набиралось примерно человек 60 или 80. Из этих 60 или 80 человек нужно сдать в солдаты 20. Лыгот никаких не полагалось. Голова вместе с волостным писарем и горюдничем решали, сколько брать с каждого освобожденного от солдатчины. Тут же они решали, кого сдать в солдаты. Обычно назначались бедняки, с коих взять нечего. Но все это хранилось в секрете.

Наборы происходили обычно осенью, и у головы Милькова а в это время на дому происходил откуп от солдатчины. Ассигнации (в то время были ассигнационные рубли, стоявшие в три раза дешевле серебряной валюты, серебряного рубля) сыпалась как дождь, и Мильков обычно называл это осенним листопадом, стреляя деньги со стола в поставленный в переднем углу сундук. Всем рекрутам, с коих был взят головой денежный откуп, давался приказ (секретно) явиться в рекрутское присутствие, надев на себя крест на желтом говитане (песемке). Это был знак для членов рекрутского присутствия, что с этого рекрута взято и

его нало было освобождено. Дальше дело уже шло как по маслу. У желтоговитанников находили всевозможного рода болезни, и они освобождались от солдатчины, а беднота шла в солдатскую каторгу на 20 и больше лет, где ее забивали и замучивали, гоняя сквозь строй и награждая шпицрутенами.

Старушка-мать головы

го Введенского монастыря. Изначально выпив, этот остряк стал собираться в монастырь и, прощаясь с гостеприимными хозяевами, споткнулся и упал с верхнего этажа по лестнице. Когда сбежали, то у иеромонаха оказался пробитым висок, он был мертв, кровь лила из раны. Голова Мильков сейчас же распорядился увести мертвого иеромонаха в монастырь.

семьи Милькова последний рубль, когда во дворе осталась одна корова, тогда только признали, что в смерти монаха голова Мильков не виноват, и выпустили его из тюрьмы. Опозоренный, разоренный в корень, с расшатанным от долгого тюремного заключения здоровьем Мильков заплел горючку и так пьяный кончил свою жизнь.

зат, что сейчас исполним, и, зло и кося посмотрев на меня, вышел в прихожую. Немного спустя Некрасов приказал мне выйти к нему в прихожую. Когда я вышел, то увидел, что там идут приготовления кого-то пороть, так как принесен пук виц и в сборе сторож-старик, николаевский солдат, несколько человек, незнакомых мне, и голова Некрасов. Последний приказал сторожу и незнакомым лицам схватить меня и утащить в рядом находящуюся с прихожей арестантскую. Те живо исполнили это, и не успел я опомниться, как уже лежал на полу в арестантской и на моей спине и плечах сидели незнакомые мужики. Некрасов прочитал приказ дать мне 20 ударов розгами, «За что?» — спросил я, придавленный к полу. Некрасов ничего не ответил, но прорычал, как зверь, и сторож, видимо зная, что это значит, обнажил меня. Началась порка. Я помню, что насчитал 70 или 80 ударов и встал в беспамятство. Опомнившись, вижу на меня лютую холодную воду, лежу в той же арестантской. Некрасова уже нет. После этого я болел несколько месяцев».

Окружной начальник был заодно с головой Некрасовым. Были также случаи, что жалобщика окружной посылал к тому же Некрасову, и тот вновь порол его.

Наконец, про «деяния» Некрасова много говорили в связи со взыванием, в бытность мою помощником волостного писаря, недомок общего по империи и губернского продовольственных капиталов. В 1857 году в Сольвычегодском уезде ранним осенним заморозком был уничтожен урожай как озимых, и на барках сплавлен в Котлас и ниже его по Двине. В Котласе раздача хлеба нуждающемуся населению производилась Некрасовым, который помещался в специально устроенной из парусов палатке-юрте, как какой-либо татарский хан. Прежде чем получить хлеб, каждый из приехавших за ним обязан был принести голове Некрасову бутылку водки или наливки (настойки на вине). Размер выдачи хлеба определялся по размеру винного подношения голове. Если же приезжали за хлебом бедняки, коим не на что было купить голову вина, то их только записывали и затем отказывали в отпуске хлеба.

Выдача тинулась чуть не все лето. Все лето у Некрасова была масленница. Наступил июль, и хлеб стал поспевать шови. В Котлас больше не поехали. Некрасов, наконец, за отсутствием голодных отрезвился. Оставался неразобранной целая баржа хлеба, Некрасов не задумываясь над этим. Баржа была вывезена на глубокое место и затоплена со всем хлебом.

Некрасов был убит на острове Погачеве, когда шел из волостного правления домой в д. Князевскую. Убийц не могли разыскать, и полиция делала об убийстве его предла «воле Божией» (выражение суда и прокуроров, когда не могли разыскать виновных). Так окончил свою жизнь этот последний метлинский голова.

Фото Л. Иванова.

(Окончание следует).

Н. Н. Аруев

МИНУВШЕЕ

За 14 лет службы в такой громадной волости, как Метлинская (Метлинская волость во время моей службы состояла из 8-ми обществ: Метлинского; Козьминского, разделенного на три: Козьминское, Коряжемское и Антоновское; Андреевского; Дементьевского (бывшая Песчанская волость), Григоровского, Шешуровского, Ньюско-Шешуровского и Пицкого, с населением до 14000 человек. При самом тесном, ежедневном соприкосновении с народом мне пришлось слышать много интересного из прошлой жизни волости. Тем материалом, что остался в памяти, я и хочу поделиться. Пусть читатели сами выведут заключение, хорошо ли жилось раньше крестьянину.

Милькова, видя беззакония сына и слезы народа, часто говорила ему, что не будет ему счастья в нажитом богатстве, но Мильков не слушался матери и продолжал свое дело.

Богатство его росло. Он купил несколько крепостных деревень у разорившегося в то время купца Пьянкова и выстроил у себя в деревне двухэтажный дом, что в то время было верхом роскоши и богатства.

От крестьян Мильков требовал, чтобы они, проходя мимо волостного правления или мимо его дома, снимали шапки, будь это хотя бы зимой или в ненастье. «Ослушников» ждала порка.

Все городская знать считала за честь быть у головы Милькова в гостях, и действительно, Мильков не жалел средств угостить на славу. На одном из таких вечеров у Милькова, бывшем в ненастную ночь в январе, случилось несчастье, повлекшее за собой увольнение его от должности, заключение в тюрьму и разорение.

В гости был зван один из иеромонахов Сольвычегодско-

Кузнецов

Так как дело было ночью и ворота монастыря были заперты, то работник головы Милькова Степан Строганов выгнал мертвого монаха из сарая к монастырскому воротам и оставил там. Утром обнаружили труп. Началось дознание и следствие. Игумен показал, что покойный иеромонах отправился вчера в гости к голове Милькову. Голова же Мильков объяснил, что покойный монах действительно был у него в гостях, но ушел от него жив и здоров. Убийство, по мнению Милькова, совершено кем-либо из злоупывшленников, знавших, что у покойного были деньги.

Следственные власти начали искать по кровным каплям на дороге (разбрызгав ее от несенного за ночь снега), откуда привезен труп монаха, и кровной след довел до самого дома головы Милькова. Там внизу и на лестнице обнаружили тоже свежесмытые на полу следы крови. Голову Милькова заподозрили в убийстве монаха и заключили в тюрьму. Началось следствие, тянувшееся целые годы, следствие со взятками и вымогательствами. И когда следственные власти выколотили у

Некрасов

Это был, кажется, последний метлинский голова. Народная память называет его несправедливым и жестоким.

Некто М. С. Суханов (впоследствии был волостным старшиной) из д. Долговского вот что рассказывал мне про этого голову. Зашел я как-то раз в волостное правление и обратился к голове Некрасову с просьбой выдать нужную мне по моему делу бумагу, Некрасов на эту просьбу ска-

Николай Аруев

Ревизия

(Начало в №N 149, 150)

В 1890 году когда я поступил в Метлинекое волостное правление, крестьяне ждали производства одиннадцатой ревизии. Десятая ревизия была в 1858 году. Цепь ревизии — взимание с податного населения — крестьян, мещан и ремесленников — подушной подати. Производство ревизии завершалось переделом между неличными едоками мужского пола или, как тогда выражались, душами, наделной земли. Поэтому-то земельный надел и до сих пор называется «душой». Почему же крестьянство ждало ревизии, когда она несла им новое налоговое бремя — увеличение подушной подати? А вот почему. При существовавшем тогда «Общем Положении о крестьянах» передел земли общий или частный (скидка или накидка тягл) допускался только с согласия на это $\frac{2}{3}$ всех домохозяев данного сельского общества. Получить такое согласие в сельском обществе, растянувшегося на 27 верст (например, Метлинекое), и даже больше (Козьминское), не было никакой возможности. На окладной сход (очередной) в январе месяце собиралось немного более $\frac{2}{3}$ всех домохозяев. В том числе были многоземельные, были кулаки, были горланы, были охотники до выпивки за чужой счет. На сходы созывались чернососшные (чернососшными назывались крестьяне, не принадлежавшие никому, т. е. ни помещику, ни монастырю, ни другому какому-либо владельцу). Земля у них была в чересполосном пользовании, и ее нужно было размежевать, т. е. удельным наделить в одном месте, а чернососшным — а другом. Берег Вычегды, как известно, постоянно сносится рекой, и таким образом уменьшается из года в год количество приобретенной пашни. Само собой разумеется, что та и другая группы крестьян желали получить надел дальше от реки. Землемер знал это положение. Прибыв в деревню, он, при представлении к нему представителей размежевывающих групп (от удельных — Милохина и чернососшных — Шергина), объявил им, чтобы они к обеду ему приготовили красного петуха, и тот, кто представит петуха первым, получит при размежевании лучшую землю. Удельный представитель Милохин понял приказ землемера буквально и кинулся в город искать красного петуха, но так как найти его было не так легко, то он замешкался. Шергин же понял, что нужно землемеру и, сходя в свою кубышку, достал из нее десятку (красненькую), вручил землемеру. После этого явился и Милохин, найдя, наконец, действительно красного петуха, но землемер сказал, что он уже пообедал, т. к. Шергин принес петуха раньше Милохина.

Началось межевание, и удельным крестьянам земля была нарезана вся по берегу р. Вычегды, а чернососшным крестьянам — около деревни и за деревней, к д. Цирениково (Петряшину). У Милохиных из наделенной земли снесло р. Вычегдой около половины надела и продолжает нести и до сих пор, а у чернососшных весь полевой надел цел и до настоящего момента.